

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНАЯ БИБЛИОТЕКА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

Н. Л. БРОДСКОГО, А. Е. ГРУЗИНСКОГО,
Н. М. МЕНДЕЛЬСОНА, Н. П. СИДОРОВА.

Выпуск 3-й.

В. ЛЬВОВ-РОГАЧЕВСКИЙ.

А. П. ЧЕХОВ

В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ
===== И ЕГО ПИСЬМАХ. =====

СОДЕРЖАНИЕ: I. Предисловие автора. II. Автобиография. III. Хронологическая канва. IV. А. П. Чехов, его эпоха, среда, личность и творчество в воспоминаниях современников. V. Письма А. П. Чехова. VI. Письма к А. П. Чехову. VII. Из записной книжки А. П. Ч.—VIII—План „Лешего“. IX.—Библиография.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Т-ва „В. В. ДУМНОВА, насл. бр. САЛАЕВЫХ“.

МОСКВА, — 1923 г.

А. П. Чехов.

(Из книги В. Г. Короленко „Отошедшие“).

... В то время я уже прочитал рассказы Чехова и мне захотелось проездом через Москву познакомиться с их автором.

В те годы семья Чеховых жила на Садовой, в Кудрине, в небольшом, красном уютном домике, какие, кажется, можно встретить только еще в Москве. Это был каменный особнячок, примыкавший к большому дому, но сам составлявший одну квартиру в два этажа. Внизу меня встретили сестра

Чехова и младший брат, Михаил Павлович, тогда еще студент. А через несколько минут по лестнице сверху спустился и Антон Павлович.

Передо мною был молодой и еще более моложавый на вид человек, несколько выше среднего роста, с продолговатым, правильным и чистым лицом, не утратившим еще характерных юношеских очертаний. В этом лице было что-то своеобразное, что я не мог определить сразу, и что впоследствии, по моему очень метко, определила моя жена, тоже познакомившаяся с Чеховым. По ее мнению, в лице Чехова, несмотря на его несомненную интеллигентность, была какая-то складка, напоминавшая простодушного деревенского парня. И это было особенно привлекательно. Даже глаза Чехова, голубые, *) лучистые и глубокие, светились одновременно мыслью и какой-то особенной, почти детской, непосредственностью. Простота всех движений, приемов и речи была господствующей чертой во всей его фигуре, как и в его писаниях. Вообще, в это первое свидание Чехов произвел на меня впечатление человека глубоко жизнерадостного. Казалось, из глаз его струится неисчерпаемый источник остроумия и непосредственного веселья, которым были переполнены его рассказы. И вместе угадывалось что-то более глубокое, чему еще предстоит развернуться и развернуться в хорошую сторону. Общее впечатление было цельное и обаятельное, несмотря на то, что я сочувствовал далеко не всему, что было написано Чеховым. Но даже и его тогдашняя «свобода от партий», казалась мне имеет свою хорошую сторону. Русская жизнь закончила с грехом пополам один из своих коротких циклов, по обыкновению не разрешившийся во что-нибудь реальное, и в воздухе чувствовалась необходимость некоторого «пересмотра», чтобы пуститься в путь дальнейшей борьбы и дальнейших исканий. И поэтому самая свобода Чехова от партий данной минуты, при наличии большого таланта и большой искренности, — казалась мне тогда, признаюсь, некоторым преимуществом. Все равно, думал я, — это ненадолго... Среди его рассказов был один (кажется, озаглавленный «Встреча» **) где-то на почтовой станции встречаются неудовлетворенная молодая женщина и скитающийся по свету тоже неудовлетворенный, сильно избитый жизнью, русский «искатель» лучшего. Тип был только намечен, но он изумительно напомнил мне одного из значительных людей, с которым сталкивала меня судьба. И я был поражен, как этот беззаботный молодой писатель сумел мимоходом, без опыта, какой-то отгадкой непосредственного таланта так верно и так метко затронуть самые интимные струны этого, все еще не умершего у нас, долговечного рудинского типа... И мне Чехов казался молодым дубком, пускаю-

щим ростки в разные стороны, еще коряво и порой как-то бесформенно, но в котором уже угадывается крепость и цельная красота будущего могучего роста.

Когда в Петербурге я рассказал в кружке «Северного Вестника» о своем посещении Чехова и о впечатлении, которое он на меня произвел, — это вызвало много разговоров. Талант Чехова признавали все единогласно, но к тому, на что он направит еще не определившуюся большую силу, — относились с некоторым сомнением. Отношение к Чехову Михайловского читателям известно: он часто и с большим интересом возвращался к его работам, признавал огромные размеры его таланта, но тем суровее отмечал некоторые черты, в которых видел неправильное отношение к литературе и ее назначению. Ни о ком, однако, из сверстников Михайловский не писал так много, как о Чехове, а в последние годы, как это тоже известно, он относился к Чехову с большой симпатией... Во всяком случае, в то время, о котором я рассказываю, «Северный Вестник» Михайловского хотел бы видеть Чехова в своей среде, и мне пришлось выслушать упрек, что во время своего посещения, я (тогда еще новичек в журнальном деле) не позаботился о приглашении Чехова — как сотрудника.

В следующее свое посещение я уже заговорил с Чеховым об этом «деле», но еще раньше меня говорил с ним о том же А. Н. Плещеев, заехавший к нему проездом через Москву на Кавказ. Чехов сам рассказал мне об этом свидании, подтвердил обещание, данное Плещееву, но вместе с тем выразил некоторое колебание. По его словам, он начинал литературную работу почти шутя, смотрел на нее частью как на наслаждение и забаву, частью же, как на средство для окончания университетского курса и содержания семьи *).

— Знаете, как я пишу свои маленькие рассказы?.. Вот. Он оглянул стол, взял в руки первую попавшуюся на глаза вещь, — это оказалась пепельница, — поставил ее передо мною и сказал:

— Хотите, — завтра будет рассказ, заглавие «Пепельница».

И глаза его засветились весельем. Казалось, над пепельницей начинают уже роиться какие-то неопределенные образы, положения, приключения, еще не нашедшие своих форм, но уже с готовым юмористическим настроением...

Теперь, когда я вспоминаю этот разговор, небольшую гостиную, где за самоваром сидела старуха-мать, сочувственные

*) См. стр. 23 «Портрет» А. П. Чехова В. Л. Р.

**) Не «Встреча», а «На пути» В. Л. Р.

*) В то время он был уже врачом, хотя и не практиковавшим, а брат его, Михаил Павлович, начинал тоже печататься в юмористических журналах (под псевдонимом).

улыбки сестры и брата, вообще всю атмосферу сплоченной, дружной семьи, в центре которой стоял этот молодой человек, обаятельный, талантливый, с таким, повидимому, веселым взглядом на жизнь,—мне кажется, что это была самая счастливая, последняя счастливая полоса в жизни всей семьи,—радостная идиллия у порога готовой начаться драмы... В выражении лица и в манерах тогдашнего Чехова мне вспоминается какая-то двойственность: частью это был еще беззаботный Антоша Чехонте, веселый, удачливый, готовый посмеяться между прочим над «умным дворником», рекомендуя в кухне читать книги, и над парикмахером, который во время стрижки узнает, что его невеста выходит за другого, и потому оставляет голову клиента недостриженной... Образы теснились к нему веселой и легкой гурьбой, забавляя, но редко волнуя... Они наполняли уютную квартирку и, казалось, приходили в гости зараза ко всей семье. Сестра Антона Павловича рассказывала мне, что брат, комната которого отделялась от ее спальни тонкой перегородкой, часто стучал к ней ночью в стенку, чтобы рассказать тему, а иной раз готовый уже рассказ, внезапно возникший в голове. И оба удивлялись и радовались неожиданным комбинациям... Но теперь в этом беззаботном настроении происходила заметная перемена: и сам Антон Павлович, и его семья не могли не заметить, что в руках Антоши не просто забавная и отчасти полезная для семьи игрушка,—но великая драгоценность, обладание которой может оказаться очень ответственным. Кажется, в то время был уже напечатан (в «Нов. Времени») очерк «Святою ночью», чудная картинка, проникнутая глубоко захватывающей, обаятельной грустью, еще примиряющей и здоровой, но уже как небо от земли удаленной от беспредметно смешливого настроения большинства «Пестрых рассказов». И в лице Чехова, недавнего беззаботного сотрудника «Осколков», проступало какое-то особенное выражение, которое в старину называли бы «первыми отблесками славы»... Я помню, что в словах матери, видимо счастливой и гордившейся успехом сына, звучали уже грустные ноты. Мы говорили с Антоном Павловичем о поездке в Петербург и о том, где мы там встретимся, и г-жа Чехова сказала со вздохом:

— Да, мне кажется, что Антоша теперь уже не мой...

Как это часто бывает, у матери было верное предчувствие...

Мы условились встретиться в Петербурге в редакции «Осколков», где я, действительно, нашел Чехова в назначенный день, в кабинете редактора, г. Лейкина. Здесь, между прочим, произошел небольшой инцидент: накануне г. Лейкин похвастался перед Чеховым прекрасным рассказом, присланным в «Осколки» неизвестным еще начинающим авто-

ром, помнится, из Царского Села. Редактор пришел в восторг и пригласил автора для личных переговоров, с целью привлечь его к журналу. Чехов захотел прочитать рукопись. Оказалось, однако, что это был просто на просто один из его собственных очерков, старательно переписанный с печатного и подписанный неведомой фамилией. Лучший признак известности: плагиат уже, очевидно, оценил новое дарование и тянулся к нему, как чужеродное растение...

...Через некоторое время первый журнальный рассказ А. П. Чехова был написан. Назывался он «Степью». Во время моего пребывания в Петербурге А. Н. Плещеев получил из Москвы письмо, в котором Чехов писал, что работа у него подвигается быстро. «Не знаю, что выйдет, но только чувствую, что вокруг меня пахнет степными цветами и травами»,—так приблизительно (цитирую на память) определял Чехов настроение этой своей работы, и это же, несомненно, чувствуется в чтении. На этом первом «большом» рассказе Чехова лежал еще, правда, отпечаток привычной ему формы. Некоторые критики отмечали, что «Степь» это как бы несколько маленьких картинок, вставленных в одну большую раму. Несомненно, однако, что эта большая рама заполнена одним и очень выдержанным настроением. Читатель как будто сам ощущает веяние свободного и могучего степного ветра, насыщенного ароматом цветов, сам следит за сверканьем в воздухе степной бабочки и за мечтательно-тяжелым полетом одинокой и хищной птицы, а все фигуры, нарисованные на этом фоне, тоже проникнуты оригинальным степным колоритом. Младший Чехов (Михаил Павлович) говорил мне, вскоре после того, как рассказ появился в «Северном Вестнике», что в нем очень много автобиографических личных воспоминаний.

Есть в нем, между прочим, одна подробность, которая казалась мне очень характерной для тогдашнего Чехова. В рассказе фигурирует Дениска, молодой крестьянский парень. Выступает он в роли кучера, но дело, конечно, не в этом, а в темпераменте. Бричка с путниками останавливается в степи на привал в знойный, душный полдень. Горячие лучи жгут головы, откуда-то несется песня, «тихая, тягучая и заунывная, похожая на плач и едва уловимая слухом... Точно над степью носился невидимый дух и пел», или сама она, «выжженная, полумертвая, уже погибшая, без слов, но жалобно и искренно убеждала кого-то, что она ни в чем не виновата, что солнце выжгло ее понапрасну... вины не было, но она все таки просила у кого-то прощения и клялась, что ей невыносимо больно, грустно и жалко себя»... В это время Дениска просыпается первым из отдыхающих путников. Он подходит к ручью, пьет, аппетитно умывается, плескаясь и фыр-

кая. Несмотря на зной, на тоскливый пейзаж, на еще более тоскливую песню, неизвестно откуда несущуюся и говорящую о неизвестной вине, Дениска переполнен ощущением бодрости и силы.

— А ну, кто скорее доскачет до осоки!—говорит он Егорушке, главному герою рассказа, и не только одерживает победу над усталым от зноя Егорушкой, но, не довольствуясь этим, предлагает так же скакать обратно.

Я, как-то шутя, сказал Чехову, что он сам похож на своего Дениску. И действительно, в самый разгар 80-х годов, когда общественная жизнь так похожа была на эту степь с ее безмолвной истомой и тоскливой песнью, он явился беззаботный, веселый, с избытком бодрости и силы...

Комментарий

Короленко Владимир Галактионович (1853–1921) – русский писатель, общественный деятель. Познакомился и начал переписку с Чеховым в 1887 году (достоверно известно как о самой ранней – о встрече в начале октября 1887 года, что подтверждается в письмах А.П. Чехова).

Воспоминания написаны вскоре после смерти Чехова, в июле 1904 года. Им предшествовала запись в дневнике В.Г. Короленко от 6 июля 1904 года: «Вчера из Новороссийска мне прислали телеграмму: в Баденвейлере (Шварцвальд) умер от чахотки А.П. Чехов. Я знал Чехова с 80-х годов и чувствовал к нему искреннее расположение. Думаю, что и он тоже. Он был человек прямой и искренний, а иные его обращения ко мне дышали именно личным расположением. В писательской среде эти чувства всегда очень осложняются. Наименее, пожалуй, сложное чувство (если говорить не о самых близких лично и по направлению людям) было у меня к Чехову, и чувство, которое я к нему испытывал, без преувеличения можно назвать любовью» (ОР РГБ; Литературное наследство. М., 1960. Т. 68. С. 523).

Переписка с Короленко продолжалась до конца жизни Чехова, иногда прерываясь на несколько лет, но всегда возобновляясь на ровно дружественной ноте. Известно 17 писем Чехова и 12 писем Короленко (полностью переписка издана отдельной книгой в 1923 году).

Чехов высоко ценил Короленко как писателя и человека. Вскоре после знакомства он заметил, что в будущем им «не обойтись без точек общего схода». Такими точками «общего схода» стало участие в сборнике «Памяти В.М. Гаршина», где рядом с «Припадком» Чехова напечатан очерк Короленко «На Волге», помощь голодающим крестьянам Нижегородской губернии и, наконец, совместный отказ в 1902 году от звания почетных академиков по разряду изящной словесности — в знак протеста против кассации выборов М. Горького.

... семья Чеховых жила на Садовой, в Кудрине... – Во флигеле дома врача Я.А. Корнеева А.П. Чехов жил с 27 августа 1886 по 21 апреля 1890 года, до отъезда на Сахалин и на Восток. (Ныне в этом здании располагается отдел Государственного музея истории российской литературы имени В.И. Даля «Дом-музей А.П. Чехова»).

... сестра Чехова... – Чехова Мария Павловна (1863–1957), на момент встречи с Короленко – преподаватель истории и географии в частной женской гимназии Л.Ф. Ржевской в Москве.

...Михаил Павлович, тогда ещё студент. – Чехов Михаил Павлович (1865–1936) обучался на юридическом факультете Московского университета (окончил в 1889 году).

...определила моя жена... – Иванóвская Евдокия Семёновна (по мужу – Короленко) (1855–1940) – русская революционерка, народница, с января 1886 года жена В.Г. Короленко.

... глаза Чехова, голубые... – Ошибка Короленко, глаза у Чехова были тёмно-карими. (См. об этой иллюзии в воспоминаниях А.И. Куприна (*Куприн А.И. Портрет А.П. Чехова* // Львов-Рогачевский В.Л. А.П. Чехов в воспоминаниях современников и его письмах. М.: Издательство т-ва «В.В. Думнов, насл. бр. Салаевых», 1923. С. 23–24).

... долговечного рудинского типа... – отсылка к герою романа И.С. Тургенева «Рудин» (1856), который пополняет галерею «лишних людей» в литературе XIX века.

«Северный вестник» – русский литературный журнал, выходивший в Санкт-Петербурге с 1885 по 1898 год. После закрытия в 1884 году «Отечественных записок» журнал стал приютом для группы народников во главе с Н. К. Михайловским. С 1890-х годов журнал стал органом декадентов.

Михайловский Николай Константинович (1842–1904) – русский публицист, социолог и литературовед, критик, переводчик. Теоретик народничества. В 1868–1884 годы Михайловский – сотрудник и член редакции «Отечественных записок»; после закрытия журнала работал в «Северном вестнике», «Русской мысли» и газете «Русские ведомости»; с 1894 года и до конца жизни возглавлял журнал «Русское богатство».

Знакомство с Чеховым состоялось в ту пору, когда Михайловский возглавлял редакцию журнала «Северный вестник», 3 декабря 1887 года Чехов писал родным из Петербурга: «Каждый день знакомлюсь. Вчера, например, с 10 1/2 часов утра до трех я сидел у Михайловского... в компании Глеба Успенского и Короленко: ели, пили и дружески болтали».

Известны 2 письма Михайловского, ответ Чехова не сохранился.

Отношение к Чехову Михайловского... – Критик интересовался творчеством А.П. Чехова на протяжении многих лет, но нельзя сказать, что оценки творчества писателя были исключительно доброжелательными и положительными. С 1887 по 1902 год Н.К. Михайловский напечатал ряд статей о Чехове: «Новые книги» [О сборнике «В сумерках»] // «Северный вестник», 1887. Кн. 9; «Случайные заметки» [о пьесе «Иванов»] // «Русские ведомости». 1889. № 133; «Письма о разных разностях» [О сборнике «Хмурые люди»] // «Русские ведомости». 1890. № 104 (в собрании сочинений Н.К. Михайловского эта статья озаглавлена: «Об отцах и детях и о г. Чехове»); «Палата № 6» // «Русские ведомости». 1892. № 335; «Литература и жизнь» [О повести «Мужики»] // «Русское богатство». 1897. № 6; «Литература и жизнь. О страшной силе г. Novus'a, о моей робости и некоторых недоразумениях» [О повести «Мужики»] // «Русское богатство». 1897. № 11; «Литература и жизнь. Еще кое-что по поводу современной беллетристики» // «Русское богатство». 1899. № 2; «Литература и жизнь. Кое-что о Чехове» // «Русское богатство». 1900. № 4; «Литература и жизнь. О повестях и рассказах гг. Горького и Чехова» // «Русское богатство». 1902. № 2.

Михайловский пишет об отсутствии у Чехова четкого мирозерцания, направляющей идеи, о равнодушии Чехова к изображаемому, истолковывая таким образом объективную манеру повествования. В статье «Новые книги» (1887), отдавая должное таланту Чехова, осуждает «вопросы без ответов, ответы без вопросов, рассказы без начала и конца, фабулы без развязки...».

Плещеев Алексей Николаевич (1825–1893) – поэт, переводчик, драматург, театральный критик, редактор стихотворного и беллетристического отделов журнала «Северный вестник». Плещеев отметил талант молодого Чехова после прочтения сборника его рассказов «В сумерках», в особенности высоко оценил он рассказ «Святою ночью».

Знакомство Плещеева и Чехова состоялось в Петербурге 10 или 11 декабря 1887 года. Спустя месяц началась переписка, длившаяся всего пять лет, но содержательная и неизменно дружеская. Плещеев стал первым читателем опубликованных в «Северном вестнике» рассказов, повести Чехова «Степь» и пьесы «Иванов» (во второй редакции).

... захвативший к нему проездом ... – Этот факт не подтверждается иными источниками, явная путаница в датах. К примеру, только 12 ноября 1887 года Н.А. Лейкин сообщал в письме Чехову лишь о намерении «старика Плещеева» пригласить писателя в «Северный вестник», что не соотносится с воспоминаниями Короленко.

... готовый посмеяться над... – Имеются в виду рассказы Чехова «Умный дворник» (первоначально: «Мораль») и «В цирюльне» (первоначально: «Драма в цирюльне»), напечатанные впервые в журнале «Зритель» (1883. №№ 10, 16).

Сестра... рассказывала мне... – Ошибка памяти мемуариста. Комната М.П. Чеховой в доме на Садовой-Кудринской располагалась на втором этаже. Спальня А.П. Чехова (на

первом этаже) была разделена перегородкой с личной комнатой М.П. Чехова, брата. В книге «Вокруг Чехова» последний свидетельствовал: «Нас отделяла друг от друга тонкая перегородка, и мы подолгу разговаривали через нее на разные темы, когда просыпались среди ночи и не спали».

«Новое время» – общественно-политическая и литературная газета, издававшаяся в 1868–1917 годах в Петербурге. С 1876 по 1912 годы издатель – А.С. Суворин. Сотрудничество А.П. Чехова с газетой продолжалось с 1886 года по 1893 год.

...очерк «Святою ночью»... – Напечатан впервые в газете «Новое время» (1886. 13 апреля).

«Осколки» – юмористический литературно-художественный еженедельный журнал. Издавался в Петербурге с 1881 по 1916 год. А.П. Чехов активно сотрудничал в «Осколках» с 1882 по 1887 год, поместив в них более 270 произведений.

Лейкин Николай Александрович (1841–1906) – писатель, драматург, редактор журнала «Осколки» с 1882 по 1906 год.

«Степь» – Повесть была напечатана в «Северном вестнике» за 1888 год (кн. 3).

Получил из Москвы письмо... «...пахнет степными цветами и травами»... – Имеются в виду строки о «Степи» в письме А.Н. Плещееву от 3 февраля 1888 года: «Пока писал, я чувствовал, что пахло около меня летом и степью».